

От редакции журнала.

14 июля 2018 г. исполняется 87 лет со дня рождения известного учёного-философа и общественного деятеля России, члена Научного совета «Концепта» и автора серии публикуемых в нашем журнале очерков о людях, встречавшихся на жизненном пути Константина Михайловича Долгова. Поздравляя его с днём рождения, публикуем в этой связи несколько суждений о нём известных учёных и мыслителей:

К.М. Долгов, А.А. Гусейнов, М.А. Кукарцева

– академик РАН, научный руководитель Института философии РАН А.А. Гусейнов: К.М. Долгов сочетает исследовательскую, научную и политическую работу, связанную со сферой культуры и образования; сама постановка вопроса о природе политики и государства, заявленная Долговым, возможна только в рамках философского подхода;

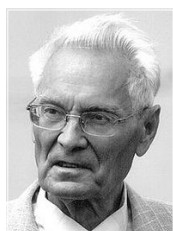
– главный редактор церковно-исторического альманаха «К свету», кандидат богословия Игумен Петр уверен, что «в судьбе Константина Михайловича заметно действие промысла Божьего. Этот ребёнок, переживший клиническую смерть, пришёл в мир для важных дел. В далёкие 1970-е гг., в период государственного атеизма, Долгов сумел выпускать книги по иконографии и церковному искусству. Благодаря именно ему произошло возрождение иконописи в России»;

– академик Академии художеств России Елена Флёрова и её супруг, вице-президент Союза писателей Евразии Ефим Петров говорили о том, что «нынешнее время – это эпоха Долгова, который услышал голос Бога и пошёл за ним. Он – звено единой великой цепи, осознание единого мирового разума. Он развил в себе этот дар. Он пришёл в мир, чтобы донести послание политикам. И он идёт этим путем. Это – пример того, как можно жить»;

– профессор МГИМО Владимир Глаголев считает, что «сильнейшая сторона деятельности Долгова – в понимании реализма состояния проблемы и возможностей её продвижения на обсуждение. А главные отличительные черты – любовь к красоте, понимание значимости эстетики и реализм оценок». Профессор МГИМО Маргарита Силантьева, в свою очередь, назвала Долгова «философом культуры» и подчеркнула, что он сохранил «государственный интерес к политике, философии и культуре».

М.С. ГОРБАЧЁВ – ГЕРОЙ ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬ?

К.М. Долгов*

На днях я случайно наткнулся на передачу на одном из каналов нашего Центрального телевидения, где обсуждалась деятельность М.С. Горбачёва и его супруги Раисы Максимовны. К сожалению, я застал только часть этой передачи, в которой участники дискуссии в основном восхваляли самого Горбачёва и «первую леди» за то, что они принесли народам бывшего Советского Союза подлинную свободу и демократию. Подобные комплименты в адрес Горбачёва и его жены меня, откровенно говоря, возмутили. Тем более, что я неоднократно встречался с Горбачёвым по разным поводам и в разное время.

Ещё будучи студентом философского факультета МГУ, я слышал о некоем «комбайнере», студенте юридического факультета МГУ, над которым его друзья постоянно потешались, высмеивая чудовищную безграмотность и бескультурье. Подобные же эмоции вызывала и его будущая жена, которая больше всего увлекалась научным коммунизмом. Но я не придавал этому никакого значения, тем более, что лично ни его, ни его будущую супругу я не знал.

Я впоследствии слышал о нём как о руководителе Ставропольского края, о некоторых его успехах и достижениях и вместе с тем не совсем лестные слова о нём как о человеке. Впервые же лично я встретился с ним, когда заведовал сектором художественной литературы Отдела культуры ЦК КПСС. Однажды раздался звонок. Подняв трубку, я услышал: «С Вами говорит Михаил Сергеевич Горбачёв. Если можно, я просил бы Вас сегодня зайти ко мне на беседу». Поскольку в то время он был секретарем ЦК по сельскому хозяйству, то я, естественно, в этот же день пришёл к нему. Здесь мы впервые лично познакомились.

«Я пригласил Вас для того, чтобы Вы направили бригаду писателей в разные районы Нечерноземья, где бы они ознакомились с работой агропромышленных комплексов и написали об этом хорошие и патристические статьи». В ответ на это я сказал, что направить бригаду писателей мы не можем, поскольку это писатели, а не чиновники. Мы можем только поговорить с ними об этом и пригласить кого-то из них посетить те или иные районы. А что они будут об этом писать, мы тоже не можем гарантировать, ибо это писатели, они могут написать как хорошие, так и весьма критические материа-

* **Долгов Константин Михайлович** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель РФ, главный научный сотрудник Института философии РАН, член Научного совета журнала «Контент: философия, религия, культура».

лы. На мои слова Горбачев отреагировал довольно резко: поскольку Вы возглавляете сектор художественной литературы ЦК КПСС, Вы должны направить бригаду писателей в Нечерноземье и обязать их писать необходимые нам материалы.

Я понял, что спорить с Горбачевым бесполезно, так как он, видимо, не имел достаточно широкого и глубокого общего гуманитарного образования и не понимал и специфики функционирования и воздействия на общество подлинной, высокой культуры. Он не отдавал себе отчёта в том, что литература, искусство и культура в целом существенно отличаются от любой практической деятельности, что это сфера свободных художников, которые привыкли делать все, руководствуясь своими взглядами, своим призванием и которые совсем не склонны подчиняться чиновникам любого ранга. Тем более, что времена сталинских декретов давно миновали.

Тем не менее, я побеседовал с рядом писателей и публицистов, и некоторые из них согласились посетить районы Нечерноземья. Как известно, в то время на развитие Нечерноземья были отпущены огромные деньги – десятки миллиардов рублей. Но результаты были плачевные, и, видимо, чтобы это скрыть, Горбачёву были необходимы положительные статьи и материалы о развитии Нечерноземья. Итоги командировок оказались обескураживающими: почти все материалы повествовали не о развитии, а об упадке сельского хозяйства Нечерноземья. Когда Горбачёв ознакомился с некоторыми публикациями, он был взбешён и не преминул отчитать меня по телефону. На это я ответил кратко: я Вас предупреждал, что писатели напишут только то, что они видят и что думают по этому поводу. Это было мое первое серьёзное расхождение с Горбачёвым.

Когда Горбачёв стал Генеральным секретарём ЦК КПСС и объявил о начале перестройки, я, возглавляя в то время Всесоюзное агентство по авторским правам, решил позвонить ему по поводу проекта закона о прогрессивном подоходном налоге, подготовленного неболь-

шой группой специалистов из ВААП ещё по поручению самого Л.И. Брежнева (который к тому времени, когда проект был подготовлен, скончался). Мы последовательно представляли этот проект закона каждому из сменявших друг друга после Брежнева генеральных секретарей. Ю.В. Андропов, заявивший о начале перестройки, вскоре скончался, не успев по-настоящему запустить этот процесс и, в частности, прочитать проект нашего закона, который тогда был бы, несомненно, ко времени.

Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС К.У. Черненко, которому я сообщил по телефону о проекте закона, после ознакомления с представленными материалами пригласил меня к себе на беседу. Он спросил меня, кто ещё, кроме нашей группы специалистов, знаком с проектом. Я ответил, что мы никому больше не сообщали, кроме прямых рассылок непосредственно генеральным секретарям. Тогда Черненко многозначительно сказал, обращаясь ко мне на «ты», как он это нередко делал: «Я тебя предупреждаю: если содержание этого закона станет известным за пределами высшего руководства, то тебе не сносить головы». Моим ответом был вопрос: «И это говорите Вы, Генеральный секретарь ЦК КПСС?» Черненко: «Я знаю, что я говорю». Далее он сказал, что закон ему понравился, и он будет выносить его на обсуждение Политбюро. Меня это несколько порадовало, но радость была преждевременной. К.У. Черненко скончался.

Здесь я хотел бы сделать небольшое отступление и рассказать об истории избрания Горбачёва Генеральным секретарём. В самом начале моей работы в ВААПе я был приглашён на беседу к министру иностранных дел СССР, члену Политбюро ЦК КПСС А.А. Громыко, о котором я раньше много слышал и с большим интересом читал его доклады и выступления в ООН и других международных организациях, не говоря уже о съездах нашей партии. На первой же встрече, где мы лично познакомились, он рассказал мне историю с моим исследованием о политической философии Н. Макиавелли.

Когда эта работа была опубликована в двух номерах «Нового мира» (1980-1981 г.г.), вскоре появились восторженные рецензии в европейских странах, прежде всего в Италии, а также небольшое количество положительных отзывов и у нас. Но одновременно в нашей стране пошёл поток отрицательных откликов, по существу, доносов, на это исследование. Они направлялись главным образом в адрес Л.И. Брежнева и членов Политбюро ЦК КПСС.

В связи с этим, как рассказывал мне А.А. Громыко, Брежнев поручил ему изучить мое исследование и доложить об этом на Политбюро. «Чем больше я читал эту работу, тем больше она мне нравилась, прежде всего, как серьёзное научное исследование, о чём я и доложил на очередном заседании Политбюро. Никакого антимарксизма, антисоветизма, антикоммунизма в этой работе я не нашёл», – сказал мне Громыко. После этого вопрос был снят, Брежнев только спросил, кто этот автор и где он работает. На это Громыко ответил: он работает в ЦК КПСС.

Спустя какое-то время мне позвонил сам А.А. Громыко и попросил срочно приехать к нему в МИД. Когда я вошёл к нему в кабинет, он, обычно сидевший за своим рабочим столом, быстро ходил по кабинету и был необычайно возбужден. Он пригласил меня сесть и спросил, знаю ли я важнейшую новость. Я ответил, что не знаю. Громыко: «Мы сегодня избрали нового Генерального секретаря ЦК КПСС – М.С.Горбачёва». Он сказал, что лично трижды выступал по этому вопросу и подробно изложил мне каждое выступление. После этого я спросил: Андрей Андреевич, а Вы не будете жалеть об этом? Он остановился как вкопанный, посмотрел на меня каким-то странным, почти враждебным взглядом, но ничего не сказал.

Потом он сел за свой рабочий стол, и какое-то время мы молчали. Я даже пожалел о том, что задал такой вопрос. Затем мы стали беседовать о каких-то других проблемах... Я не случайно задал ему этот вопрос, поскольку уже знал Горбачё-

ва, встречался с ним, и я был почти уверен в том, что Горбачёв не только не будет благодарен Громыко за его поддержку при избрании Генсеком, но скорее всего постарается избавиться от Громыко, как только представится такая возможность. Действительно, вскоре Горбачёв освободил Андрея Андреевича от должности министра иностранных дел и назначил его председателем Верховного Совета СССР, а на его место назначил одного из своих ближайших соратников, такого же предателя, как он сам, Шеварнадзе.

Любопытно, что когда Андрей Андреевич, будучи Председателем Верховного Совета, пригласил меня к себе, я, войдя в его кабинет, увидел сникшего, поблекшего человека, на столе которого не было ни одного документа, никаких служебных бумаг. В отличие от этого, в МИДе его стол был всегда завален деловыми бумагами, которыми он занимался с утра до ночи. Получилось, что Горбачёв фактически отстранил его от реальной политической деятельности, а спустя какое-то время, вообще отправил на пенсию.

В это же время я позвонил Горбачёву, рассказал об истории подготовленного проекта закона о прогрессивном подоходном налоге и попросил его ознакомиться с материалами. Он согласился. Через несколько дней я снова позвонил ему, чтобы узнать его мнение об этом проекте, на что он мне ответил: закон ему очень понравился, будет выносить его на обсуждение Политбюро. Естественно, я поблагодарил его за положительную оценку и оперативность. Действительно, через некоторое время меня пригласили на заседание Политбюро, в повестку дня которого был включён и вопрос о проекте закона о прогрессивном подоходном налоге. После обсуждения политических, экономических и других вопросов подошли к вопросу о проекте данного закона. Горбачёв сказал буквально следующее: председатель ВААП К.М. Долгов предложил рассмотреть вопрос о прогрессивном подоходном налоге. Я трое суток читал и перечитывал этот проект – он такой муторный, что я предлагаю отложить этот вопрос.

Я, никак не ожидавший подобного заявления Горбачёва, вскочил с места и сказал: Михаил Сергеевич, Вы же мне по телефону сообщили, что этот проект закона Вам очень понравился, а сейчас заявляете, что он муторный и его надо отложить. Горбачёв вспыхнул, но сдержался и заявил: ну, что, члены Политбюро, откладываем этот вопрос? Я снова встал и сказал: Михаил Сергеевич, это самый оптимальный вариант из всех возможных. Мы изучили и обобщили мировую практику по применению этого закона во многих странах. Его нельзя откладывать, он имеет огромное социально-политическое и экономическое значение, не говоря уже о том, что этот закон всегда устанавливал более или менее справедливые отношения в обществе.

Горбачев: ну, так что, значит, откладываем? Обвёл всех взглядом и остановился на мне, как мне показалось, с открыто враждебным выражением. Я снова сказал, что откладывать нельзя, всё равно рано или поздно придётся принимать этот закон, только тогда уже в гораздо худшей редакции. Меня стали одергивать сзади: прекратите выступать против Генерального секретаря. Это было моё второе серьёзное расхождение с Горбачёвым. (Кстати, этот закон в России до сих пор не принят).

Так я на личном опыте убедился в том, о чём мне говорили некоторые мои друзья и товарищи, например, Георгий Шахназаров, в то время помощник Горбачёва, а именно, что ни одному слову Горбачёва верить нельзя, ибо он постоянно меняет свои суждения, мнения и оценки на противоположные. Г. Шахназаров рассказывал, что многие документы, которые готовились для Горбачева, тот одобрял, а затем эти документы или вовсе не появлялись, или их без всякого обсуждения и уведомления заменяли на совершенно противоположные по содержанию. Понятно, что человек может менять своё мнение, но не так часто и радикально, как это делал Горбачёв.

М.С. Горбачёв продолжал осуществлять свою перестройку, которую он понимал довольно странно. Он не раз

заявлял, что перестройка может быть реализована за один год, если ему удастся сменить Первых секретарей ЦК компартий республик, большую часть членов Политбюро ЦК КПСС, большую часть членов ЦК КПСС, секретарей обкомов и горкомов, министров и вообще большую часть руководящего состава СССР. На одном из совещаний я высказался о совершенно неподготовленной со всех точек зрения концепции горбачёвской перестройки, что её следовало бы проводить в разных республиках по-разному, учитывая особенности исторического развития народов, их культуры, нравов, быта и т.д. Однако подобные выступления не воспринимались. Неудивительно, что во многих местах вскоре стали происходить вооружённые столкновения, и пролилась кровь. Вместо того чтобы извлечь из этого уроки, Горбачёв возлагал вину за кровопролития на других людей, прежде всего военных, хотя те, по существу, выполняли указы, спущенные сверху. Поэтому главным виновником во всех этих, да и многих других случаях, естественно, был сам Горбачёв.

В конце концов третье, решающее столкновение с Горбачевым определило мою судьбу. Меня вызвал к себе на доверительную беседу А.Н. Яковлев, который был в то время правой рукой Горбачёва и которого я давно и хорошо знал. Он обратился ко мне с вопросом, как я оцениваю происходящую перестройку. Поскольку беседа была доверительной, я откровенно сказал, что, к великому сожалению, она почти совсем не продумана и не подготовлена ни теоретически, ни практически. Поэтому вместо укрепления и развития всех сфер государственной и общественной жизни мы наблюдаем, по существу, развал. Яковлева это удивило: а что, если мы Вам поручим отвечать за всю идеологию и культуру? Я ответил, что над этим надо подумать, потому что то, что происходит в настоящее время, больше похоже на авантюризм, а не на серьёзную и глубокую перестройку. Яковлев: так вы, что, отказываетесь принять наше предложение? Я переспросил: а чьё это «наше» предложение? Он от-

ветил: моё и Горбачёва. Я повторил, что мне надо над этим подумать. Тут раздался звонок, звонил Горбачёв: ну как, он согласился с нашим предложением? Яковлев: по сути, он отказался, ссылаясь на то, что ему надо подумать. Больше того, он назвал нас авантюристами. Горбачёв: тем хуже для него. И повесил трубку. Я обратился к Яковлеву: Александр Николаевич, Вы сказали, что наш разговор носит доверительный характер, но Вы тут же заложили меня Горбачёву. Как это понимать? Яковлев: ну, раз Вы отказываетесь с нами работать, мы найдём другого. На этом разговор был окончен.

Через некоторое время в ВААПе начала работать комиссия партийного контроля, которая за полгода проверки не нашла никаких нарушений в работе организации, как, впрочем, и следующая комиссия партийного контроля, также работавшая полгода. Вскоре меня вызвал председатель комиссии партийного контроля М.С. Соломенцев. Он поздравил меня с тем, что комиссии не обнаружили никаких злоупотреблений, и добавил: тем не менее, дано указание исключить Вас из партии и снять с работы. Я спросил: указание Горбачёва? Он промолчал. Тогда я заявил: сейчас они расправляются с такими, как я, Вашими руками, а через полгода или несколько позднее они под зад коленом вышибут и Вас. Соломенцев: выбирайте выражения, Вы говорите с членом Политбюро и Председателем КПК. Я: именно поэтому я так и говорю. На этом мы и расстались.

Меня действительно исключили из партии и сняли с работы, соответствующий документ был лично подписан Горбачёвым (что касается исключения из партии, то поскольку такая процедура исключения противоречила Уставу КПСС, позднее было решено провести это исключение в соответствии с Уставом – через обсуждение в первичной партийной организации, в райкоме партии и т.д.). Долго устраивали, обещая разные высокие должности: вызывали почти каждую неделю и предлагали то должность директора Института философии, то должность директора Института миро-

вой литературы, даже заходила речь о директоре Пушкинского дома в Ленинграде, далее спустились до должности замдиректора, завсектором и наконец определили исполняющим обязанности научного сотрудника Института философии АН СССР, хотя я давно уже был доктором философских наук.

Между тем Горбачёв продолжал разваливать страну, уступая все стратегические позиции Соединённым Штатам и европейским странам. Разваливалась Организация Варшавского договора, из Европы были выведены все наши войска, сокращались наши вооруженные силы, мы уступали одну позицию за другой в политике, экономике, рвались все существовавшие органические связи между республиками СССР и социалистическими странами. Советский Союз на глазах у всего мира начал распадаться. Хотя на референдуме, проведенному по вопросу сохранения или ликвидации Советского Союза, 76% участников высказались за сохранение СССР.

Что это означало? Ошибки Горбачева или его сознательное предательство? Обратимся к одному документу, опубликованному в чешской и словацкой газетах в 1999 г. и широко известному российским читателям по интернет-публикациям – тексту выступления Горбачёва в Американском университете в Турции. Независимо от того, является этот текст подлинным или фальшивкой, его содержание достаточно очевидно и определённо выражает позиции и взгляды Горбачева: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми... Мир без коммунизма будет выглядеть лучше. После 2000 г. наступит эпоха мира и всеобщего процветания. Но в мире ещё сохраняется сила, которая будет тормозить наше движение к миру и созиданию. Я имею в виду Китай... с ним [то есть с коммунизмом – К.Д.] нужно также покончить и в Азии, ибо он является основным препятствием на пути достижения человечеством идеалов всеобщего мира и согласия».

С Горбачёвым я встречался ещё несколько раз. Когда в России проходил

Международный конгресс по методологии науки, Горбачёв выступил перед его участниками. Речь его, как всегда, была алогичной, бессвязной, если не сказать, бессмысленной. Участники конгресса смеялись над пустыми, примитивными разглагольствованиями оратора, а он, судя по всему, воспринимал это как комплимент. Еще один раз я встретился с ним на конференции в Президент-отеле в Москве, где обсуждался вопрос о стратегии развития России.

Когда мне дали слово, свой доклад я начал с вопросов, почему провалилась перестройка Горбачёва, почему провалились все реформы Ельцина, почему проваливаются теперешние реформы. На большом фактическом материале я показал всю убогость политической деятельности псевдореформаторов, неolibералов и неодемократов, по существу разваливших СССР и продолжавших разваливать Россию. Их вопиющая общая и политическая безграмотность, бескультурье, почти полная некомпетентность в вопросах теории и практики привели к тому, что была почти уничтожена могучая экономическая основа СССР и России, развалена промышленность, сельское хозяйство, образование, наука, медицина и многие другие сферы, восстановить которые потребуются многие десятилетия.

После бурных аплодисментов, следовавших после моего доклада, Горбачёв встал и ушел. Вспоминается также встреча в Фонде Горбачёва, где обсуждался вопрос о выдвижении Горбачёва кандидатом в президенты в предстоящей избирательной кампании. Его сторонники активно советовали ему участвовать и предсказывали положительный исход. Я выступил и сказал, что за Горбачёва будет голосовать максимум один процент избирателей, и не советовал участвовать в кампании. Как известно, за него проголосовало меньше одного процента избирателей. Народ уже знал ему цену.

Как можно назвать человека, который на протяжении большей части своей жизни клялся в верности марксизму-ленинизму, советской власти, социалистическому и коммунистическому строительству, построил на этом всю свою карьеру, но итогом деятельности которого явилось разрушение великой державы – Советского Союза, крушение всех основ и ценностей, от имени которых проводилась перестройка? Когда он был искренним: в советский период своей деятельности или во время пресловутой перестройки, разрушения всего, что связано с Советским Союзом, социализмом и коммунизмом, с подчинением страны диктату Запада? Где его истинное лицо: когда он стремился построить свою карьеру на верности идеалам коммунистической партии или когда, став Генеральным секретарём ЦК КПСС, через некоторое время стал активно разрушать эту коммунистическую партию? Когда он был патриотом своей Родины: в период продвижения по служебной карьере или когда всё, что связано с Родиной и Отечеством, было предано? Кто такой Горбачев: патриот или предатель?

Думаю, что ответ на вопрос может быть только один. Не случайно Горбачёв, Яковлев, Шеварнадзе, Ельцин и их окружение, по существу, предали и разрушили не только Советский Союз, его ценности и идеалы, но предали и разрушили всё то, что создавалось на просторах нашего великого Отечества на протяжении многих столетий. За подобную деятельность в любой стране привлекают к ответственности всех, независимо от занимаемых постов, как предателей и изменников Родины, ибо, как известно, для таких преступлений нет срока давности. В данном случае этого ещё не произошло, но, как говорится, Бог шельму метит. Суд Истории неизбежен и неотвратим, это только вопрос времени. Хочется надеяться, что долго ждать не придётся.

Dolgov K.M.